

100 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ РОССИИ. ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ О НЕЛЕГАЛЬНОЙ АГЕНТУРЕ

АГЕНТ

ПЕРЕИГРАВШИЙ АБВЕР

Роман о советском разведчике,
который предотвратил убийство Сталина,
Рузвельта и Черчилля

ХАЧИК ХУТЛУБЯН

Хачик Мнацаканович Хутлубян Агент, переигравший Абвер Серия «Герои внешней разведки»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50388215

Агент, переигравший Абвер: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-108322-9

Аннотация

1943 год. Тегеран готовится к исторической встрече глав большой тройки – Сталина, Рузвельта и Черчилля. Гитлер приказывает фашистским агентам уничтожить великих политиков. Начинается большая игра спецслужб.

Советскому разведчику Геворку Вартаняну поручено вычислить и обезвредить исполнителей покушения на лидеров союзников. После долгой и крайне сложной работы с агентами Геворку удастся выйти на след неприметного копателя могил с армянского кладбища. Дальнейшая разработка этого человека приводит к выводу, что это немецкий агент Майер, готовящий план проникновения на территорию британского посольства. Именно там должна была собраться тройка лидеров по случаю 69-летия Уинстона Черчилля 30 ноября 1943 года.

Счет пошел на часы...

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Хачик Мнацаканович

Хутлубян

Агент, переигравший Абвер

*100-летию отечественной разведки – ИНО –
ПГУ – СВР посвящается*

© Хутлубян Х.М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть 1

Похожее на большую жирную лепешку, жаркое иранское солнце выкатилось из-за холмистого горизонта и зависло над Тегераном. Казалось, светилу нравится наблюдать за тем, как пробуждался город. Первыми появлялись на улице лоточники, лавочники и магазинчики, направляясь к центру, в 12-й округ, где находился Большой базар – сердце Тегерана. Сюда же, понуриив головы, шагали навьюченные овощами, фруктами и орехами ослы с погонщиками-крестьянами из окрестных деревень. Подтягивались нищие вымаливать подаяния у богато одетых горожан. Прямо на тротуарах располагались уличные составители писем, прошений и жалоб. Выбегали из домов мальчишки-водоносы. Последние спешили к арыкам с закинутыми за плечи бурдюками, чтоб, наполнив их водой, занять места у входа на базар. Менее проворным предстояло гонять пыль по кривым, узким улочкам, предлагая живительную влагу изнывающим от зноя иностранцам. Ими был набит город. Многие из тех, кто смог добраться до «восточной Швейцарии», как называли нынче Тегеран, предпочитали мучиться от жары здесь, нежели быть убитыми на войне, прокатившейся по всей Европе и теперь надолго застрявшей в России.

Амир любил этот ранний час, это восходящее солнце. Каждое утро он успевал встать за минутку до того, как нач-

нет пробуждаться город, чтобы первому поприветствовать светило.

Амир улыбнулся своим мыслям, которые были сейчас лишь об одном: сегодня он прокатит на своем велике Гоар. Девушку, при виде которой у него замирало сердце. Еще вчера он предусмотрительно свинтил с велосипеда задний багажник, чтобы ничто не помешало ему посадить девушку на раму и, приобняв ее, потому что по-другому не ухватишься за руль, лететь по пыльным улочкам Тегерана, умирая от счастья.

Все еще улыбаясь, Амир выкатил из сарайчика своего двухколесного друга, вскочил в седло и погнал вниз по брусчатке. Он жил в небольшом армянском квартале Тегерана, где все знали все обо всех, а также всегда были в курсе последних событий, порой и тех, которые не успели еще произойти.

– Нет, не будет с него толку, – провозжая взглядом паренка на велосипеде, пробурчал грузный мужчина в старой выцветшей феске, пожелтевшей от времени рубахе и черных шароварах. Это был владелец харчевни ага Арзу, который любил напустить на себя важный вид, особенно в кругу близких людей. В руках он держал четки и проворно перебирал бусины короткими круглыми пальцами. – Отец – уважаемый человек, фабрикант, можно сказать, весь Иран шоколадом кормит, а этому хоть бы хны. Целыми днями только и знает, что на велосипеде гонять. У-у-у!.. Сам делом не занимается

и других с толку сбивает... Казанфар! Ты куда это собрался? – вдруг выпучил он глаза на достаточно упитанного парня, лет шестнадцати на вид. Тот не спеша сел на велосипед и, навалившись на педали всем весом, рванул за ворота, не проронив ни слова отцу. – Вах!.. Что делается?! Вот же до чего довела эта проклятая «модернизация», – понизив голос, провел ладонью по подбородку ага Арзу. – О Господи, только ты знаешь, куда мы катимся с таким правителем. – Он осторожно посмотрел по сторонам и на всякий случай прикусил язык. Но мысли вскипели в голове. После того, как в 1935 году Персия стала именоваться Ираном и шах Реза Пехлеви заявил, что будет модернизировать страну, он не нашел ничего лучшего, как издать указ о снятии чадры. Газеты писали, что это стало огромным шагом вперед. Но «огромный шаг» по дороге, ведущей к пропасти, разве это тот путь, которого хотели люди? Кардинальные перемены, ломающие вековой уклад, что это, если не уничтожение нравственности?.. Мужчина ощутил ораторский зуд и поспешил в дом, чтобы не во дворе, а за глухими стенами облегчить душу высказываниями, которые, услышь их посторонний, могли б иметь весьма плачевные последствия для него, ибо относились к крамольным. Перешагнув порог и затворив за собой дверь, он вспомнил, как, наставляя сына на путь истинный, спросил его однажды: «Казанфар, почему ты болтаешься целыми днями на улице? Разве нет более полезного занятия для тебя?» – «Отец, я не просто болтаюсь, я слушаю, о чем го-

ворят люди. Когда я стану премьер-министром этой страны, я должен буду знать, чего хочет народ Ирана». – «О Боже, он сошел с ума!.. Сын мой, ты хоть сам слышишь, что говоришь?» – «Слышу, папа, слышу». – «Молись, чтоб никто больше этого не услышал», – выдохнул тогда с горечью отец. Между тем разговор, который всплыл в памяти, затеплился в отцовской душе. А что, а вдруг и в самом деле сыну его суждено стать премьер-министром Ирана?! Реза-хан – в прошлом полковник русской казачьей бригады – стал же шахом!.. Знающие люди говорят, что знатную фамилию Пехлеви он присвоил себе «не по чину». Впрочем, может, и не так. Всевышнему видней, за какие грехи народу Ирана ниспослано терпеть такое. Мысли отца вновь вернулись к сыну. Казанфар, он, конечно... может премьер-министром стать. Умный, исторические книжки читает. Главное, чтобы Всевышний не оставил его в этих мечтах. Ага Арзу на минуту представил себя отцом премьер-министра Ирана, и ему понравилось это ощущение.

– Казанфар!.. Куда тебя нелегкая понесла?! – нарочито громко произнес мужчина, чтобы его недовольный голос дошел до уха жены. – Заявись мне только домой!.. Я покажу, как с отцом следует разговаривать! – с этими словами он огляделся в комнате и, не найдя супруги, расстроился. Жена была благодарным слушателем, когда муж начинал кипятиться перед ней по поводу сына. Она смиренно кивала в такт его словам, не смея перечить супругу во гневе. – Пусть,

пусть только явится домой этот негодник Казанфар! – по инерции продолжил ага Арзу и недоуменно пожал плечами. Но куда запропастилась жена?

– Жена!.. Жена, ты где?..

Ответом ему был осторожный стук в дверь. Ага Арзу потянул ее на себя и, ступив за порог, нос к носу столкнулся с соседом Хабиром. Тот стоял, подобрав руки под живот, но при виде хозяина дома наклонил голову, сделав шаг назад.

– Мир тебе, Хабир. – Ага Арзу на правах старшего по возрасту первым поприветствовал гостя кивком, подумав: «Опять подслушивал под дверью». Вслух же, голосом сладким, как мед, произнес: – С какими вестями пожаловал в столь ранний час, дорогой сосед? Как ты знаешь, мой дом всегда открыт для добрых людей.

– Мир вам и вашему дому, ага, надеюсь, вы в добром здравии.

Арзу благосклонно кивнул.

– Я на минуту. В квартале говорят... – Хабир запнулся и, приложив ладонь ко рту, понизил голос: – Хотел услышать совет мудрого человека. Люди говорят, что оптовые цены на кешью, фундук и миндаль поднимутся. У меня в лавке товара на месяц запасено. Может, стоит еще закупить орешков, впрок?.. Как вы считаете?

– Что?.. – ага Арзу вскинул брови, выражая недоумение. – С таким вопросом ты пришел ко мне? Откуда вообще ты взял это?

– Люди говорят... говорят, что... шах Реза отрекся от власти, да продлит Всевышний его дни! Русские и английские солдаты де хозяйничают в шахском дворце. Возможен хаос... взлет цен на продукты...

– Не может этого быть. Русские, как писали газеты, вошли в Иран по договору. Что они потеряли в шахском дворце? Конечно... – Ага Арзу хотел сказать: «Конечно, шах Реза Пехлеви давно проявлял приверженность к идеям Гитлера и всемерно подчеркивал, что иранцы относятся к арийской расе – расе избранных. Не просто так же он переименовал Персию в Иран – «страну ариев». Это не могло не нравиться Гитлеру и – нравиться русским с англичанами. Но чтобы свергнуть правителя, нужны более веские основания. Конечно, Реза-шах допустил в страну столько немцев, что в самой Германии их, кажется, наполовину стало меньше. В правительстве – немцы, в армейских кругах, жандармерии и таминате – тайной полиции – тоже они заправляют в качестве советников и инструкторов. В каждом учебном заведении, сын рассказывал, есть преподаватели, которые проповедают идеи гитлерюгендов. Ага Арзу помнил, как в 1937 году Тегеран посетил Бальдур фон Ширах – глава гитлерюгенда. Во всех газетах об этом писали. По приказу Резы в честь гостя был организован парад, где иранские юноши промаршировали мимо трибуны, вскидывая руки в нацистском приветствии. С тех пор в школах в качестве основного иностранного языка стали изучать немецкий, а молодежные органи-

зации создавались по германскому образцу. Да что там говорить, в промышленном, сельскохозяйственном производствах, медицине и даже на железной дороге, вплоть до машинистов, – кругом засели немцы. Не он, ага Арзу, все это выдумал. Это – очевидный факт. Вот только отношение к тому у людей разное. Бедные иранцы симпатизируют Советской России и приветствуют ввод ее войск. Но чиновники и представители богатых кругов – на стороне нацистской Германии. Это тоже факт. В подобной ситуации сохраняющий лояльность Гитлеру верховный правитель, пока не вовлек страну в войну, может и должен быть смещен. И это вовсе не хаос». Ага Арзу мог в таком ключе высказаться соседу, но, будучи человеком осторожным, решил держать нейтралитет, ограничившись советом:

– Конечно, – сказал он и через паузу добавил, – риск подорожания есть, но стоит ли торопиться с закупками впрок, чтобы излишки орехов запрели потом в кладовой. Я бы не спешил. – С этими словами ага Арзу мягко выпроводил со двора соседа Хабира, которого давно и не без оснований подозревал в связях с немецкими агентами.

Нынешний, 1941 год мало чего хорошего кому сулил. Гитлер, маршем пройдя по Европе, в июне, 22-го числа, напал на Советский Союз, а спустя два месяца Сталин вместе с Черчиллем ввели войска в Иран. Все говорило о начале большого, кровавого передела мира. То, что услышал сегодня ага Арзу от Хабира, свидетельствовало о том же и внушало

ему если не оптимизм, то, во всяком случае, – надежду на какие-то перемены. Но перемены, даже когда они к лучшему, всегда происходят за счет простых людей. Насколько они могут быть хороши?.. В силу своей прозорливости, ага Арзу мог предположить многое. Но слишком свежи были события, чтобы с расстояния вытянутой руки дать им объективную оценку. Истинный смысл сложных геополитических процессов, которые, словно мохнатые тучи, сгустились над Тегераном, понять было трудно и ему.

Развязанная Германией Вторая мировая война никак не собиралась обойти стороной Иран. Гитлер намеревался использовать его нефтяную отрасль для обеспечения фатерлянда бензином, а впоследствии территория страны рассматривалась в качестве плацдарма для вступления нацистских войск в Баку. Далее иранский коридор нужен был фюреру для выхода в Афганистан и Британскую Индию, чтобы ослабить мощь Соединенного Королевства в его колониях. Нельзя было сбрасывать со счетов и тот факт, что шах Ирана, в качестве основного союзника Гитлера в мусульманском мире, тайно обязался двинуть свою армию на Советский Кавказ, как только войска вермахта окажутся под Москвой. Мотивы, движущие шахом Резой Пехлеви, были продиктованы необычными, на первый взгляд, фактами его биографии. Выросший в Персидской казачьей бригаде, сформированной русским императором Александром II, Реза-хан дослужился из рядового воина до полковника. В 1921 году он возгла-

вил поход казаков на Тегеран и, отстранив от власти Насер ад-Дин-шаха, представителя тюркской династии Каджаров, провозгласил себя новым Верховным правителем Ирана. Реза ненавидел произошедшую в России революцию и как раз боялся переноса коммунистических идей в свою страну. Поэтому, находясь перед необходимостью выбора союзника, он поставил на Гитлера, не понимая, что тот заигрывает с ним, как кошка с мышью. Называя персов «родственниками древних германцев» и «чистокровными арийцами», фюрер на самом деле считал их «историческим мусором» и «недочеловеками». Шах Реза этого не знал либо не желал знать. И совершил роковую ошибку, ответив отказом на предложение Сталина – взять под охрану иранские месторождения нефти в связи с возможным захватом их войсками Германии. А также – выслать из страны всех подданных Третьего рейха. СССР трижды предупреждал иранское руководство об активизации в стране немецкой агентуры и предлагал выдворить сотни германских военных специалистов, проводящих несовместимую с иранским нейтралитетом деятельность. Тегеран отказал в таком требовании и русским, и англичанам.

Самонадеянность сыграла с шахом злую шутку. Сталин привел в действие советско-иранский Договор от 26 февраля 1921 года. Согласно ему, на основании статьи шестой СССР имел право ввести войска в Иран в случае появления угрозы безопасности его южным границам. Утром 25 августа 1941

года в 4 часа 30 минут советский посол и английский посланник посетили дворец Резы Пехлеви и вручили ему ноты своих правительств о вводе в Иран советских и британских войск. Спустя несколько часов к шаху пожаловал и германский посол с соответствующей нотой. Но ответом ему стало высочайшее сожаление: «Вы опоздали».

Совместная операция союзников под кодовым названием «Согласие» заняла 24 дня – с 25 августа по 17 сентября. В результате Иран оказался оккупированным с юга британскими и с севера советскими войсками. Тем самым была обеспечена безопасность поставок по ленд-лизу из Персидского залива в СССР вооружений, боеприпасов, продовольствия и медикаментов. Кроме того, подобный «маневр» предупреждал возможную агрессию со стороны Турции.

Стремительно проведенная Иранская операция стала и самой бескровной по меркам Второй мировой войны. Боевые действия длились всего четыре-пять дней, в ходе которых сопротивление армии самого крупного в средневосточном регионе государства было сломлено. Иранские бойцы бросали ружья, а жители с цветами в руках приветствовали советских и британских солдат. При этом первые вошли в страну на законном основании, согласно Договору, а вторые – как оккупанты. Но для простых иранцев суть дела от этого особо не менялась. Так или иначе, союзнические войска, пройдя маршевыми порядками через всю страну, 17 сентября без единого выстрела вступили в Тегеран. Потери сторон

от локальных стычек, в основном в приграничных районах, составили 40 советских, 22 британских и 800 иранских солдат.

Днем раньше шах Реза Пехлеви был вынужден отречься от престола в пользу своего старшего сына Мохаммеда Резы Пехлеви и под конвоем англичан этапирован в ссылку – сначала на Маврикий, а затем в Йоханнесбург. Здесь, спустя три года, он скончался в возрасте 66 лет.

Гитлеровский план ввязать Иран в войну против Советского Союза оказался полностью провален.

Однако несмотря на успех стран-союзниц, в Тегеране все еще сильны были позиции немецких спецслужб – военной и политической разведок, возглавляемых соответственно Вильгельмом Канарисом и Вальтером Шелленбергом. Иран использовался Берлином для проведения подрывной деятельности в Советском Союзе до самого окончания войны.

Пока же, в середине сентября 1941 года, когда до конца Второй мировой было еще очень далеко, события разворачивались своим чередом. Советские и британские войска готовились к проведению парада победителей в Тегеране, новый правитель Ирана шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви принимал судьбоносные для своего государства решения под диктовку новых советников. А мелкий торговец Хабир после беседы с владельцем харчевни агой Арзу шел в свою фруктовую лавку, что находилась на площади Туп Хане, рядом с

Большим Тегеранским базаром. Сегодня туда для разговора должен был зайти коммерсант Фархад, он же глава немецкой резидентуры в Тегеране – Франц Майер – штурмбаннфюрер СС.

– Привет, Оганес, – резко затормозил, подняв за собой столбик пыли, Казанфар.

– Здравствуй, брат. А где Жора?

– Он ехал впереди меня, но на улице Надери...

– Ты упустил его?..

– Знаешь же, как он умеет уходить от «хвоста».

– Эх ты, «хвост»!..

– Не задирайся, Оганес! Ты сам его десять раз потеряешь, пока доведешь от своей калитки до дома!

– Так уж и десять?

– Ну девять.

Ребята рассмеялись и пошли во двор к Оганесу, к которому должен был приехать и Жора. Казанфар не стал рассказывать о том, что произошло с ним и Жорой в пути. Нет, он доверял Оганесу, просто не любил много болтать. Пусть уж лучше сам Жора расскажет обо всем. Он – командир и ему видней, что говорить, а о чем лучше помалкивать. Но Жоры подозрительно долго не было. Это вызывало беспокойство. А ведь начиналось все, как всегда. По пути ребята затеяли «шпионскую» игру: Казанфар следит, Жора уходит от слежки. Глядя со стороны, можно было подумать, что мальчишки

на велосипедах беспечно гоняются друг за другом. Обычное дело для 14–16-летней пацанвы. На деле же ребята, лучше взрослых знавшие все уголки и закоулки Тегерана, отработывали навыки ведения наружного наблюдения. На улице Надери Жора резко свернул в сторону. Казанфар едва не пролетел мимо, но вовремя успел притормозить и вильнул следом. Ему показалось, что Жора пытается оторваться от него, но он ошибался. Жора не ради интереса сделал вираж. На стене углового дома он увидел нанесенный мелом едва приметный крестик. Это был условный знак. Его здесь мог оставить только один человек – водонос Мурат, мальчик-сирота тринадцати лет. Крестик означал: экстренное происшествие, необходимость срочной встречи! В таком случае она началась на площади Туп Хане, напротив овощных рядов. Отличное место, где, если что, можно легко затеряться в разношерстной толпе горожан. Тут всегда былолюдно. Покупатели и продавцы, нищие, попрошайки и состоятельные иностранцы, разгуливающие вместе с женами и подругами в золотых украшениях, шикарные лимузины и скрипучие повозки, запряженные ослами и мулами, – бедность и богатство соседствовали здесь рядом. Улица была полна бойких голосов зазывал в магазины и харчевни, криков погонял и ржания заупрямившихся животных, звуков автомобильных моторов и клаксонов в толпе прохожих, толстых богачей и оборванцев-беспризорников, готовых ради куска хлеба на все, кроме воровства. Да, чего не было на Тегеранском базаре и в

городе, так это – воровства. Приезжие поначалу удивлялись этому и тому, что в обед двери опустевших лавок и магазинов не запирались. Но когда местные объясняли, что воровство у них считается несмываемым позором и вора́м отрубают руки прямо на площади, на смену удивлению приходило смешанное чувство уважения к суровым, но, видимо, справедливым порядкам.

Жора подкатил к овощным рядам и в условленном месте заметил Мурата. Тот знаком дал понять, что к нему подходить не надо. Пришлось отойти в тень массивного платана, что раскинулся над тротуаром, чтобы понаблюдать за фруктовой лавкой напротив, куда вошел Мурат. Вскоре оттуда вышел высокий худощавый человек. Одет он был в черный костюм. Его вид – выбивающиеся из-под фески длинные светлые волосы, красная борода, обрамляющая круглое лицо и холодный взгляд серо-голубых глаз – вызывал озноб. Скорым шагом мужчина пересек дорогу, подошел к черному «Опель Капитану», сел на заднее сиденье, и машина рванула с площади. В ту же секунду Жора обернулся к Казанфару, который следил за ситуацией с другой стороны, и, махнув рукой, показал большой палец. Казанфар вскочил на велосипед и, на ходу предугадывая направление движения автомобиля, последовал за ним, срезая по диагонали путь через внутренние дворы и пешеходные тропки. В результате он не только успевал на велосипеде за машиной, но иногда приходил на промежуточный пункт раньше ее. Этому трюку его научил

Жора. В одном из глухих переулков 11-го округа «Опель» остановился, прижавшись к тротуару. Опередивший его по короткому пути, Казанфар прокатился мимо автомобиля и, завернув в проезд между домами, притормозил. Отсюда хорошо просматривалась дорога, где стоял «Опель». Увы, в салоне никого не было, кроме... дамочки за рулем! Вскоре та вышла из машины с небольшой кожаной сумочкой в руках, в которой лежали, кажется, фрукты и, перейдя улицу, скрылась во дворе добротного дома из белого кирпича. Невысокая блондинка с осиной талией и широкими бедрами, произвела неизгладимое впечатление на Казанфара. Одета она была по-европейски, в голубую пару – пиджачок и узкую юбку чуть ниже колен, туфли на каблуке, а на голове шляпка и темные очки в пол-лица, которые вполне могли сойти за паранджу в стиле модерн. Запомнив номер дома, Казанфар вскочил на велосипед и, еще раз проехав мимо пустой машины, погнал назад. По пути, прокручивая в голове произошедшее, он пришел к выводу, что его, кажется, провели как пацана. И кто? Женщина! Хоть и шикарная во всех отношениях. Обидно. Работу свою он выполнил плохо. «Опель» проследил, но главное – «пассажира» упустил, и теперь несся к Оганесу, где, наверное, давно уже его дожидался Жора. Казанфару надо было доложить ему все. А также рассказать о том, что не успел сделать там, на площади, когда поехал сопровождать «Опель». Дело в том, что он знал хозяина фруктовой лавки, за которой наблюдал Жора и откуда вышел вы-

сокий мужчина в черном костюме. Она принадлежала соседу Казанфара – мелкому торговцу Хабиру. Может, это и не имело большого значения, а может, и имело.

Когда Казанфар скрылся следом за «Опель Капитаном», Жора, подождав минут пять, направился к фруктовой лавке, где находился Мурат. Раздвинув занавеску из продолговатых стеклянных бусинок, похожих на струи дождя, Жора вошел внутрь и сразу почувствовал неладное. Лавка была пуста. Жора поднял крышку стойки, шагнул за прилавок и остолбенел! На полу, слева от прохода, лежал, свернувшись калачиком, Мурат. Жора наклонился к нему, тронул за плечо, но тот никак не отреагировал. Руки Мурата были прижаты к животу. Жора попробовал отвести одну из них, но Мурат вдруг застонал и, немного развернув кисть, показал окровавленную ладонь.

– Что произошло, Мурат?! – пытаюсь придать голосу твердость, спросил Жора.

– Ма-а... он... в го-ро-де... – Слова дались Мурату с большим трудом и лишили последних сил. Голова мальчика откинулась в сторону, взгляд застыл, и тонкая струйка крови потекла из уголка рта.

– Мурат... Муратик, погоди, братишка... Я приведу врача, – зашептал дрогнувшим голосом Жора. – Мурат... не умирай... я сейчас...

Слезы навернулись на глаза, но он не отвернулся, смотрел

сквозь пелену в лицо мальчику и беззвучно плакал, подрагивая плечами. Вскоре Жора опустил ладонь и прикрыл веки умершему. Бессилие перед непоправимой бедой, опустошенность в душе сменились злостью. В памяти всплыл мужчина в черном костюме – неведомый, безжалостный враг, нанесший смертельный удар, не пощадивший и ребенка. «Я найду убийцу, Мурат, найду и отомщу за тебя. Обещаю, братишка». – Шепотом произнес Жора. Он начал собираться с мыслями. «О чем хотел сказать Мурат?.. Что произошло в лавке за эти пять – десять минут?.. Мужчина в черном костюме!.. Мурат помешал ему?.. Узнал его... и тот убил парня?! По-бандитски сунул шило в живот! Способ фашистских диверсантов. Так они «бесшумно устраняли свои жертвы». Рассчитано наверняка – удар в брюшную аорту – внутреннее кровотечение и неминуемая смерть. Мужчина в пустой лавке – фашистский диверсант?.. Зачем он зашел туда? Кто хозяин?..» Вопросов было много. Подобно сыпучке в песочных часах, они «просеивались» через сознание, которое отказывалось понимать, что Мурата больше нет!..

– Руки за голову! Не сопротивляться! Полиция! – Жора не успел даже оглянуться на окрики, когда сзади на него навалились несколько туш и стали выкручивать запястья. Потасовка длилась недолго. Минуты через полторы Жора уже стоял перед двумя полицейскими с завязанными за спиной руками и смотрел на третьего, довольно невзрачного мужчину в старом темном костюме. Тот то и дело вскидывал руки,

причитая о случившемся:

– О Боже, как ты допустил такому произойти в моей лавке? За что ты посылаешь это испытание мне, бедному торговцу фруктами? Чем я прогневил тебя? Я ведь ни в чем, ни в чем не виноват...

– Слушайте, хватит! – сильным низким голосом прервал хозяина один из стражей порядка – коренастый, с лоснящимся от пота смуглым лицом полицейский. На широких плечах его, прикрепленные к мокрой рубашке, плотно лежали красивые сержантские погоны. Судя по всему, он являлся старшим и потому обратился к напарнику в некотором пренебрежительном тоне, но на «вы»:

– Муслим, выйдите-ка, поищите там свидетелей, наверняка найдутся те, кто что-то видел или слышал.

Муслим – высокий, очень худой парень в великоватой в плечах и одновременно коротковатой форме рядового полицейского таким же низким грудным голосом рявкнул:

– Будет исполнено! – козырнул и выбежал на улицу.

Оставшийся в лавке сержант, осматривая место происшествия, шумно вздохнул в раздумье – кого из подозреваемых первым огорошить вопросом: «Где вы находились в момент преступления?!»

Тем временем Муслим, которому пришлось-таки походить в поисках свидетелей, разговаривал с мальчишкой, работавшим зазывалой в кондитерском магазинчике. То, что поведал парень, Муслим сопоставил с рассказом уличного

писаря, который был опрошен им несколько раньше. И примерная картина произошедшего стала вырисовываться в голове полицейского. Запротоколировав под роспись сказанное ими, он прихватил их обоих с собой и направился к фруктовой лавке. Ему теперь предстояло предъявить показания и самих свидетелей старшему напарнику. Муслим вполне мог считать достигнутый результат успехом, так как обитатели Большого базара всегда с неохотой делились свидетельскими показаниями по поводу уличных убийств. Они в начале 40-х годов происходили в Тегеране часто, нередко являясь результатом фатальных разборок враждующих между собой разведсообществ, которые согнала сюда с разных концов света Вторая мировая война.

Когда Муслим вошел в лавку, напарник вел перекрестный допрос:

– Слушайте, так вы утверждаете, что, зайдя утром в свой магазинчик, увидели раненого мальчика и выбежали за полицией? – пробасил он хозяину. – А вы, – обратился к Жоре, – в это время как раз зашли сюда?.. Слушайте, вы оба что, хотите меня запутать?!

– Ни в коем случае.

– Нет-нет.

– Молчать! Вы подождите, – ткнул он пальцем в Жору и, продолжая ко всем обращаться на «вы», добавил: – А вы говорите! И вот, что я вам скажу – не врать мне!

– Да, господин полицейский, – подобрал руки под живот,

произнес хозяин. – Именно. Я открываю лавку обычно рано, но сегодня немного задержался, так как зашел к соседу – владельцу харчевни аге Арзу, возможно, вы его знаете, хотел проконсультироваться по коммерческому вопросу.

– Ну и!

– Ну и поговорили мы, и я, по этой причине немного позже обычного открыл лавку. Хотя ее и не запираю на замок, только на ключ. Дальше я вам рассказывал. Вошел, увидел под прилавком, с внутренней стороны, раненого мальчика, очень испугался, хотел расспросить его о случившемся, почему он здесь? Но он лишь стонал, и я понял, что ему нужна помощь, выбежал на улицу, чтобы вызвать врача и полицию.

– У-уфф! – выдохнул коренастый полицейский, вытирая платком пот со лба, и перевел взгляд на Жору. – Слушайте, вы зачем зашли в лавку? И зачем полезли за прилавок? Ведь находясь перед прилавком, не заметишь, что под ним, по ту сторону, лежит человек.

– Простите, господин полицейский, я уже говорил, что не видел, как из лавки выходил ее хозяин, но я видел, как в нее вошел Мурат и как из нее вскоре вышел высокий мужчина в черном костюме. Он до Мурата уже находился внутри. Так вот, он вышел, сел в черный «Опель Капитан» и уехал. А я вошел, хотел купить горсть орешков, заодно – поздороваться с Муратом, мы друзья. Но смотрю, в лавке никого нет. А Мурат ведь не выходил из нее. Куда же он делся? Я решил заглянуть за прилавок. Он там лежал скрюченный. Я хотел

сбегать за врачом, но не успел, Мурат скончался у меня на руках. Так и было. Господин полицейский, он никому не сделал ничего плохого. Он был водоносом, сирота. Бедный, маленький Мурат, – под конец не сдержался Жора.

– Слушайте, мужчина в черном сел в черный «Опель». – Вполуха слушая рассказ, проговорил полицейский. – Получается какая-то «черная кошка – в темной комнате». Тьфу ты! Значит, вот что я скажу – можете поподробнее описать его?

– Кого?

– Мужчину в темном... черном костюме.

– Могу...

Показания свидетелей, которые записал Муслим, полностью подтвердили сказанное Жорой. Описание зловещего мужчины в черном костюме тоже совпало. Выходило, что парень говорил правду. А вот хозяин лавки, похоже, не все выкладывал начистоту.

– Слушайте, как же вы выходили из лавки, если вас никто не видел? – уже с ноткой угрозы в голосе переключился на него коренастый полицейский. – Думаю, правильно будет, если вас задержать.

– Почему меня?

– Потому что я подозреваю вас в неискренности, а то и в даче ложных показаний. Посмотрим, что вы скажете в участке, когда мы перейдем к допросу с пристрастием.

– Но, господин полицейский, я говорю правду. Меня не

видели, очевидно, из-за того, что я зашел в лавку через заднюю дверь, где принимаю обычно товар. И выбежал я тоже через нее.

– Слушайте, зачем вам надо было огигать лавку, заходить и выходить через заднюю дверь, когда куда проще входить через переднюю?

– Через переднюю дверь ходят покупатели. Хозяин лавки не должен заходить и выходить из нее вместе с ними.

– У вас в этот момент были покупатели?

– Э-э... нет.

– Слушайте, когда человек оказывается в ситуации, подобной вашей, – неожиданно застает в комнате раненого, умирающего... в данном случае ребенка, – он не думает о том, какой вход для покупателей, а какой – для продавцов. Он бежит сломя голову по короткому пути, чтобы поскорее позвать на помощь. Если, конечно, произошедшее действительно является для него неожиданным. В противном случае это ситуационное несоответствие, как бы я сказал, вызвано тем, что данный человек либо и есть преступник или соучастник преступления, либо он страдает психическими отклонениями. И эта неискренность в ваших показаниях не единственная. Так что некоторые моменты из сказанного вами нуждаются в дополнительной проверке, – заключил полицейский сержант. – Официально заявляю: до выяснения всех обстоятельств вынужден задержать вас!

– Но как же так, я ничего предосудительного не совер-

шил. Разве это законно – арестовывать невинного человека только за то, что он не в ту дверь вышел?

– Слушайте, окажетесь невинным, отпустим, волноваться не стоит. Но имейте в виду, все равно мы докопаемся до сути. И тогда, скажу так, – я никому не завидую. Вот мой совет – если есть в чем признаться, лучше это сделать самому и сейчас.

– О Боже! – только и смог воскликнуть хозяин лавки.

– Муслим, опишите здесь все с понятыми, снимите отпечатки пальцев там, где они есть. А я отконвоирую подозреваемого в участок и пришлю медэксперта. Слушайте, и отпустите вы уже свидетелей, под расписку. Этого молодого человека... тоже можете выставить вон. Есть у меня почему-то такое ощущение, что он нам не врал. Слушайте, юноша! Вот мой совет – еще раз попадетесь мне «не в добрый час и не в том месте», окажетесь в тюрьме, и надолго. Так что держитесь подальше от разного рода темных дел.

– Как скажете, господин полицейский.

– Сержант Бейбутов моя фамилия, – с прищуром произнес тот в ответ. – Вы свободны, но обязаны явиться в участок по первому нашему требованию.

Солнце докатилось до середины неба, и наступил полдень. Жара из желтой превратилась в белую. Прохожие на тегеранских улицах поредели, а тени исчезли совсем.

Жора остановился у дома Оганеса. Прислонив велосипед

к забору, пошел во двор, под навес. Казанфар первым выбежал ему навстречу и с чувством облегчения похлопал друга по плечу:

– Ты где был? Я уже не знал что думать.

Жора посмотрел ему в глаза, перевел взгляд на Оганеса и виновато произнес:

– Убили Мурата. Шилом – в живот.

– Как... как убили? – не до конца осознав произошедшее, спросил Оганес.

– Подробностей не знаю, – ответил Жора, рассказав, как обнаружил еще живого мальчика во фруктовой лавке. А после пришли полицейские. Странно, но вели они себя достаточно объективно, разобрались в ситуации и, отпустив его – Жору, арестовали лишь хозяина лавки. Эти двое явно выбивались из общего ряда иранских стражей порядка, которые с одобрения немецких инструкторов не особо церемонились с задержанными.

– Думаю, – подытожил Жора, – Мурата убил диверсант. Казанфар, мужчина в «Опеле» – он и есть. Ты его «проводил до места»?

Казанфар молча опустил голову.

– Понятно.

– Я не упустил... машину. Когда я «довел» ее, в салоне была лишь молодая женщина за рулем. Мужчина исчез по пути... в пути, за квартал до конечного пункта. Я запомнил дом, куда пошла эта дамочка... Это особняк дантиста-агаи

Кодси.

– Хорошо. Надо будет обязательно проверить потом. Обязательно. Слушай, ты ведь видел мужчину в черном костюме? Тебе он никого не напомнил?

Казанфар немного оживился:

– Мне показалось, что этот мужчина – загримированный... Майер!

– Вот и я о том же. Ты заметил походку?.. Ее трудно спутать с другой.

– Да-да, он слегка тянул левый носок. Теперь я точно думаю, что это Майер.

– Об этом, мне кажется, пытался сказать и Мурат. – Голос Жоры обрел хрипотцу. Он прокашлял ее в кулак и продолжил: – Хотя откуда ему здесь взяться, если с приходом в Тегеран советских войск Майер бежал из страны, как десятки нацистских агентов? Информация достоверная, но!.. Все, что касается Майера, надо понимать с поправкой – «но»!

– Жора, – Казанфар хлопнул себя ладонью по лбу, – я же тебе хотел сказать... ну... в общем, я знаю хозяина лавки, в которой убили Мурата. Это – Хабир, наш сосед. Отец как-то сказал мне, чтобы я в присутствии Хабира лишнего не болтал, так как он связан с немецкими агентами.

Жора внимательно посмотрел на Казанфара и задумчиво произнес:

– Конечно. Это кое-что объясняет. Мне... мне надо отлучиться по делу. Сегодня вечером, передайте ребятам, в пять,

встречаемся на горе, на нашей поляне. – Он хотел еще спросить Оганеса, дома ли Гоар, его сестра? Но, подумав, смолчал. Лишь махнул рукой и вышел за калитку, где под заббором его дожидался раскаленный на солнце велик.

Дух жареных каштанов витал над поляной и, смешиваясь с запахом луговых трав, кружил головы молодым людям. Те собрались у костерка в предвкушении момента, когда лакомство приготовится. Но, более того, ребята ждали своего командира, он сегодня должен был сообщить им нечто важное. Однако задерживался.

Казанфар, поигрывая большим перочинным ножом, который виртуозно умел метать острием в цель, в очередной раз рассказывал Ашоту, Айказу и Оганесу, как это следует делать правильно. Ашот, без которого не обходилась ни одна уличная потасовка, явно томился от безделья, но из уважения слушал друга. Оганес листал карманную книжку о тайнах разведки и периодически поглядывал на Казанфара. Было неясно – это чтение не дает ему понять, о чем толкует Казанфар, или Казанфар своим разговором мешает осмыслить прочитанное. Третий – Айказ, хоть был полон внимания, но не в силах отказать себе в любимом деле – с удовольствием набивал ногой потертый кожаный мяч. Все знали, что Айказ никогда не расстанется с ним и при желании способен один обыграть футбольную команду. Только Гоар, помещивая каштаны в сковороде, терпеливо слушала инструкцию

Казанфара, хотя от нее этого никто не требовал.

Наконец, Сирагон – уличный артист и поэт, которого в шутку называли Шекспиром, в гордом одиночестве стоял почти у края горной поляны. С нее открывался прекрасный вид на Тегеран. Все последние дни Шекспир был занят сочинением пьесы и вполголоса перечитывал только что написанное: «Огромный город, раскинувшийся у моих ног, казалось, жил своей размеренной жизнью. И даже снующие всюду люди, что с большой высоты казались мне маленькими муравьями, не могли нарушить его величественного покоя. Да!» Шекспир немного подумал, еще раз, уже без пафоса, перечитал написанное и, скомкав лист, сунул в карман.

– Творческий путь тернист! – заключил он. – Необходимо мужество, чтобы недоведенные до совершенства строки отправить в корзину!

– Ребята, Жора пришел! – первым заметив его, воскликнул Айказ, при этом он ловко подбил мяч на грудь и вновь сбросил на ногу.

– А у нас как раз каштаны поджарились! – улыбнулась Гоар. Худенькая, светлая, с косичками девочка в легком платье, она была похожа на мотылек.

– Запах за километр стелется. Привет, ребята! – поздоровавшись за руку с каждым, Жора подошел к Гоар. Сердце его едва не выпрыгнуло из груди. Опасаясь, что это заметят, он произнес, не поднимая глаз: – Гоар, извини, что не смог сегодня утром...

– Я знаю, что случилось. Оганес мне рассказал, – тихо ответила она.

– Ребята, – Жора оглядел собравшихся вокруг друзей, – вы уже слышали об этом... случилась большая беда... Сегодня утром погиб Мурат... Его убил враг, не знающий жалости ни к кому. Он убивает взрослых, оставляя сиротами детей, а потом не щадит и их. Мурат был маленьким человеком, но он был настоящим разведчиком. Клянусь, его палач поплатится за все.

– Клянусь, – отозвались ребята вместе и каждый – за себя...

– Нам поручено задание, – без лишних предисловий продолжил Жора. – Его надо выполнить ювелирно.

В наступившей тишине было слышно лишь, как Гоар палочкой помешивала каштаны.

– Чуть меньше месяца назад в Тегеран прибыл человек, некий немецкий коммерсант. Кто он, неизвестно. Согласно информации – разведчик, и не мелкого пошиба. Прислан, предположительно, для налаживания разведывательной работы и встреч с высокопоставленными иранцами. Ему дана кличка Фармацевт. Вот уже месяц он гуляет по городу, но ни с кем не встречается, не знакомится. По другим сведениям, активная работа идет. Непонятно. Наша цель – разрешить эту задачу и ни в коем случае не спугнуть «клиента». Подробности завтра с утра. Встречаемся в девять здесь. И последнее, – после некоторой паузы впервые за все вре-

мя улыбнулся Жора, – командование выражает нам благодарность за проделанную работу. Все дословно не помню, но там есть такие слова: «Ваше личное мужество, умелые и самоотверженные действия по выявлению вражеских агентов и их приспешников трудно переоценить». – И добавил приведенную ему в советском полпредстве цифру: «почти четыреста из них уже схвачены нашими органами». Аресты продолжаются. Тегеран будет зачищен от нечисти.

– Ура! Ура! – приглушенными голосами воскликнули все.

– Жора, а как насчет нашей просьбы?.. Мы агентов выявляем, а арестовывают их другие. Несправедливо. Мы тоже хотим участвовать. Пусть нам выдадут оружие! – Это сказал Шекспир – человек больших страстей.

Жора нахмурился:

– Я уже говорил и еще повторю: там, где берутся за оружие, разведка заканчивается. Стрелять и выкручивать руки – это очень важно, но на то есть специально обученные люди. – Он перевел взгляд на остальных. – Мы не имеем права раскрываться, подставляться. Мы обязаны выявлять врагов, оставаясь незаметными, а для этого, если придется, совершать невозможное – пройти там, где другие не могут пройти, видеть и слышать то, что другим не видно и не слышно.

«Если того потребует дело, должны уметь видеть ушами и слышать глазами», – домыслил сказанное Жорой Шекспир и, вытащив из кармана брюк карандаш и листик, стал что-то записывать.

– Что ты ешь? – спросил Жора.

– Это так, для себя... вернее, для пьесы – любопытная метафора, – отмахнулся Шекспир.

– Ладно, ребята, как там каштаны? – потер руки Жора. – Кстати, вы помните, что нашей «Легкой кавалерии» исполнилось полтора года?.. – И в ответ на молчание пошутил: – Эх вы, «кавалеристы» на велосипедах.

«Легкая кавалерия» – таким названием окрестил группу подростков школьного возраста, которыми верховодил 17-летний Жора Вартанян, не кто-нибудь, а руководитель главной резидентуры советской внешней разведки в Тегеране тридцатилетний Иван Иванович Агаянц, майор госбезопасности. Официально он числился советником посольства Советского Союза в Иране. Оперативный псевдоним Иван Авалов.

Полтора года назад Жору свел с Иваном Ивановичем сотрудник советского полпредства в Тегеране, разбитной парень Коля по фамилии Попов, лейтенант госбезопасности. Кареглазый брюнет с тонкими усиками, на вид ненамного старше Жоры, Коля держал связь с нелегальными агентами. Одним из них был отец Жоры – известный коммерсант, владелец кондитерской фабрики – Андрей Васильевич Вартанян. Человеком он был уважаемым, со связями и при деньгах. Кроме легальной коммерческой деятельности занимался прикрытием прибывших в Иран разведчиков, приобретением надежных документов, ну и, конечно, вербовками.

В 1930 году житель Ростова-на-Дону и директор маслобойного завода в станице Степной Андрей Васильевич по заданию советской внешней разведки вместе с семьей выехал на постоянное место жительства в Тебриз. Жоре тогда исполнилось шесть лет. В кармане у Андрея Васильевича был иранский паспорт. В Тебризе у Вартаняна периодически возникали сложности с полицией, которая подозревала его в связях с советской разведкой, но доказать ничего не могла. Все изменилось к лучшему с переездом семьи в Тегеран. Здесь Андрей Васильевич довольно быстро достиг коммерческих высот, что стало надежной «крышей» для разведчика-нелегала. Жора, будучи любознательным от природы ребенком, рано начал проявлять интерес к делам отца, выполняя различные его поручения. Когда мальчику исполнилось десять лет, он понял, чем занимается отец. Частенько Жоре приходилось передавать какие-то вещи, обмениваться информацией с парнем по имени Коля, который приезжал на встречу за рулем большого черного легкового автомобиля. Ребята прониклись друг к другу уважением и симпатией, и оба, казалось, воспринимали опасную работу как игру. Когда Жоре исполнилось 16 лет, Коля познакомил его с Ага-янцем. Встреча произошла в советском полпредстве. Туда Жора прибыл незаметно, укрывшись покрывалом на заднем сиденье Колиного легковика. Того требовал закон конспирации.

– Мы с твоим отцом знакомы еще по Советскому Сою-

зу, – приветливо, как к давнему другу, обратился к Жоре Иван Иванович. – Рад нашей встрече.

– И я рад, – ответил Жора, не понимая, что перед ним – легендарный разведчик, глава советской резидентуры в Тегеране Агаянц. Разговор получился теплым, доверительным.

– Теперь тебя будут звать Амир, – сказал в конце беседы Иван Иванович. – Это твой оперативный псевдоним, кодовое имя. Подбери среди друзей пять-шесть надежных ребят. Есть такие?

– Найдутся, конечно.

Агаянц встал из-за стола, подошел к Жоре, который сидел напротив, спросил:

– Знаешь, сколько в Иране находится немцев?

Жора пожал плечами:

– Очень много...

– Около двадцати тысяч. Половина из них осели в Тегеране. Конечно, не все они нацисты...

– Понял. Нам предстоит разобраться – кто есть кто. Будем выявлять нацистов?

Агаянц посмотрел на Колю, все это время молча стоящего у окна, перевел взгляд на Жору и мягко улыбнулся.

– Молодец, быстро соображаешь. Это я говорю тебе, Жора. Амиру я бы посоветовал никогда не спешить высказывать мысли вслух. Разведчик должен уметь слушать и молчать. Больше запоминай, анализируй и думай, не давая волю эмоциям.

– Горячее сердце, холодная голова. – Жора произнес фразу, не раз слышанную от отца.

– Точно. Очень уместная цитата Феликса Эдмундовича про чекистов, – вновь улыбнулся Агаянц. – Читал труды Дзержинского?

– Нет, – признался Жора, – от отца слышал.

– Честность всегда надо ставить выше других человеческих качеств. Молодец, Геворк. Я ведь не ошибаюсь, так тебя называют родители?

– Да, так записано в свидетельстве о рождении. А друзья зовут Жорой.

– Я буду звать Амиром. Не запутаешься?

– Запомню. На память не жалеюсь.

– Молодец, – в третий раз похвалил его Агаянц.

С того памятного дня прошло полтора года. Группа Амира, куда вошли шестеро его друзей, состояла из армян, ассирийцев, лезгин. Все из семей, по разным причинам и в разное время покинувших Советский Союз: чьи-то родители в 37-м вместе с детьми бежали от репрессий, чьи-то, оказавшись неугодными властям, были высланы из страны. Тем не менее работали ребята бескорыстно, старались от души. Любовь к Родине вместе с кровью текла в жилах каждого из них. Где-то через год, уже оперившиеся, несмотря на школьный возраст, члены группы сами стали вербовать молодежь, в том числе среди иранцев, правда, только в качестве агентов. Каждый из группы помимо родного языка и рус-

ского знал фарси. Это здорово помогало. Правда, никакой оперативной подготовки у них не было. Навыкам ведения наружного наблюдения учились «на ходу», под присмотром старших товарищей из резидентуры. Сам Агаянц наставлял Жору: «Ты и твои ребята как пять пальцев должны знать все входы и выходы Тегерана, все его закоулки. На улицах города вы должны быть незаметными, но сами обязаны слышать и видеть все и всех». Агаянц не побоялся поручить подросткам непростое дело: выслеживать и выявлять фашистскую агентуру. И не прогадал. Последней и в голову не могло прийти, что против нее действовали, по сути, дети, справляющиеся с поставленными задачами виртуозно. Несмотря на то что руководил германской резидентурой неординарный разведчик Франц Майер. До того работавший в СССР под прикрытием сотрудника компании «Рейхсгрупп Индустри», он хорошо знал русский и фарси. Круглолицый, голубоглазый, рослый блондин-нацист – коварный, безжалостный враг, – был большим любителем преобразиться в бородатых персов, иранских офицеров, коммерсантов и т. п. Особые приметы – шрам через всю щеку от левого глаза до уха, отсутствие фаланги безымянного пальца левой руки и след от ожога на груди. До августа 41-го группа Амира «держала» его плотно. Но с вводом советских войск в столицу Ирана Майер исчез. Даже прошла информация, будто он убрался в высокогорье, к вождям кашкайских племен, выступавших против централизованного правительства. Но

кровавый след, который остался после убийства Мурата, говорил о том, что Майер затаился где-то, но не в горах. Найти, чтобы возмездие настигло убийцу, стало делом чести для группы Амира.

На улице смеркалось, когда Казанфар зарулил во двор и едва не наехал на отца. Тот, явно чем-то встревоженный, ходил взад и вперед, заложив руки за спину. Увидев сына, выпрямился и, строго зыркнув глазами, вдруг тихим голосом спросил:

– Где тебя носило целый день, сынок? Пока тебя не было, твою мать увезли в больницу.

– Маму?.. Что случилось, папа? – только и смог спросить Казанфар, едва не упав вместе с велосипедом.

– Когда ты уехал, ничего не сказав... я нашел бедняжку за домом, моя хозяйюшка-ханум лежала на лавке под каштаном и стонала.

– Она жива, папа?!

Искренняя тревога и волнение за жизнь матери от сына передались отцу, глаза его увлажнились и неожиданно слезливым голосом он произнес:

– Жива моя ханум... ей... ей сделали операци-ию... на... слепой кишке.

– Папа!.. – Казанфар обнял отца. Это подлило масла в огонь. Отец тоже обнял сына и все-таки разрыдался у него на плече...

В этот вечер Казанфар лег спать без стакана молока с булочкой, которые всегда подавала ему мать на ужин. Какое-то время он не мог уснуть, переживая за нее и жалея ее и отца, но вскоре усталость, накопившаяся за день, сделала свое дело, и он сам не заметил, как крепкий молодой сон совладал с ним.

Утром ага Арзу с сыном отправились в больницу навестить любимую супругу и мать. В большой кожаной сумке лежали термос с горячим бульоном и фрукты. Ага Арзу знал, что после операции жене вряд ли разрешат что-нибудь, кроме жидкого, но апельсины и гранаты, а также авокадо, манго и маракуйя, привезенные из соседнего Пакистана, он взял угостить докторов и сестер, чтоб лучше ухаживали за выздоравливающей.

В регистратуре к ним подошла сестра и, узнав о цели их визита, позвала лечащего доктора. Достаточно молодой мужчина в белом халате, поздоровавшись за руку с агой Арзу и его сыном, сказал, что состояние прооперированной ханум удовлетворительное, стабильное, но сегодня ее лучше не беспокоить. Ага Арзу понял из сказанного, что жена поправляется, а потому передал сестре сумку с фруктами и бульоном, объяснив что – для кого. Та осмотрела передачу и, удовлетворившись увиденным, приняла.

За порогом больницы Казанфар, прежде чем отправиться на встречу с друзьями, пообещал отцу не припоздниться сегодня, как вчера. Когда он въехал на поляну, все уже были

в сборе.

Как только Жора провел инструктаж и определил обязанности каждому из своих ребят, те выдвинулись на место. От дома, где квартировал Фармацевт, его должен был вести Айказ, на подстраховке Ашот. Дальше, по обстоятельствам, подключались Казанфар и Оганес. После них должны были вступить в дело Жора, Шекспир и Гоар.

Опытным немецким разведчиком – Фармацевтом оказался невысокого роста, средних лет, лысеющий, с виду добряк-человек, чем-то и впрямь напоминающий аптекаря. Полдня он гулял по городу ни с кем не встречаясь, зашел в чайхану, выпил пару чашек зеленого чая, приценился к фруктам у уличного торговца, купил пяток апельсинов и после полудня отправился домой.

На второй день все повторилось. На третий – тоже. Ребята задумались и решили затеять с ним игру.

Когда Фармацевт, погуляв по городу, зашел в чайхану и сделал заказ, за соседний столик уселся молодой человек и, выставив на стол шахматную доску, разложил на ней фигуры. Официант принес Фармацевту на подносе кувшинчик чая, налил из него в чашку, поставил кувшинчик рядом, поклонился и отошел. Сидящий за соседним столом молодой человек со скучающим видом посмотрел по сторонам, как бы приглашая потенциального партнера сыграть партию. Фармацевт какое-то время наблюдал за «шахматистом», попивая чаек, и после второй чашечки обратился:

– Позвольте партию, молодой человек?

– Хотите сыграть, не откажусь, – обрадовался парень. –

Прошу, присаживайтесь.

– У меня такое ощущение, что я где-то вас видел, – произнес мужчина.

– Вообще-то вы не первый, кто об этом мне говорит. Часто приходится слышать такое от разных людей. Знаете, внешность бывает обманчива.

– Возможно, это особенность вашего лица, – добродушно улыбнулся визави.

– Не могу сказать, что я вас раньше видел. Вы, наверное, редкий здесь гость?

– О да, я коммерсант. Приехал неделю назад, по торговым делам. Тегеран нынче привлекателен для бизнеса. Много богатых людей с капиталами перебрались сюда, подальше от войны. Можно заключать выгодные сделки. Импорт-экспорт, знаете ли, – вновь добродушно улыбнулся коммерсант.

– Из какой страны приехали, если не секрет, конечно? – достаточно безразличным тоном спросил его парень, а это был Шекспир, не преминувший отметить про себя, как коммерсант сократил время своего пребывания в Тегеране с месяца до недели.

– Да нет, не секрет, я из Германии.

– О, Германия стремится завоевать весь мир. Скажите, зачем ей это?

– Германии не нужен весь мир. Но на сегодня нет дру-

гой силы, которая может сломить коммунизм. Гитлер очень умен. Он понимает, что покончить с Советским Союзом можно лишь после того, как все европейские страны в едином порыве поднимутся на борьбу. Большевиков все ненавидят. Германия лишь стала в авангарде этой битвы, а Гитлер – мировой вождь в схватке с коммунистами. Он вобьет последний гвоздь в крышку гроба этого... Сталина.

– Вы думаете, он одолеет Сталина?

– Его песенка спета, мой друг. Только глупцы и большевистские фанатики этого не понимают. Не далее нынешней осени доблестные немецкие солдаты войдут в Москву. Запомните, пока Россия есть, покоя никому не будет.

Шекспир хотел промолчать, но не стерпел:

– Слышали такую поговорку: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь»?

– Кажется, это русская поговорка, не так ли?.. Да вы, молодой человек, как я погляжу, коммунистический агент?..

– Что вы, уважаемый, я всего лишь бедный иранский юноша, увлекающийся шахматами. – Шекспир произнес эти слова с таким видом, что его партнер громко рассмеялся, а потом, оценив партию, которая складывалась не в его пользу, поспешил откланяться:

– Увы, юноша, мне пора. С вами интересно иметь дело. Доиграем в следующий раз.

– И договорим.

На улице Фармацевт купил, как всегда, пяток апельсинов

и собрался было поторговаться с продавцом шелковых ко-
сынок, посетовав, что два реала за один платок дорого, ко-
гда проходящая мимо девушка, а это была Гоар, выронила
из рук пакет с апельсинами, и они покатались прямо под но-
ги Фармацевта.

– Ах, что со мной происходит, – всплеснула руками, чуть
не плача, девушка, – с утра все валится из рук.

Фармацевт помог ей подобрать с земли апельсины, по-
смотрел в черные, как угольки, глаза, на светлые кудряшки
и вызвался проводить бедняжку до дома. Это было задание
Жоры, завязать с Фармацевтом знакомство. По пути мужчи-
на строил из себя галантного ухажера и шутил, а девушка де-
лала круглые глаза и весело смеялась. Когда пришли, девуш-
ка совершила шуточный реверанс и, приняв пакет с апель-
синами из рук «кавалера», поблагодарила за помощь, сказав:

– Странно, я часто покупаю апельсины у этого торговца,
а вас почему-то не замечала.

– Не заметить меня, это как раз понятно, а вот то, что я
мог пройти мимо такой красавицы, как вы, по меньшей мере
неосмотрительно с моей стороны.

В ответ девушка вновь рассмеялась:

– Прощайте.

– До встречи, фрейлейн. Теперь уж я мимо не пройду, и
не надейтесь.

Между тем на пятый день, ближе к полудню, Шекспир
с Казанфаром уже сидели в чайхане, разложив перед собой

доску с шахматами. С приходом Фармацевта Казанфар должен был быстренько обыграть Шекспира и, громко пожелав ему научиться двигать фигурами, удалиться.

Ребята минут сорок прождали, когда в чайхану вошел Фармацевт. Пройдя мимо Шекспира, он даже не взглянул в его сторону. Более того, заказав зеленого чая, Фармацевт и вовсе отвернулся от Шекспира, сделав вид, что не знает того. Казанфар, «обыграв соперника», вышел из чайханы. На другой стороне улицы Жора подтягивал на раме велосипеда болты крепления багажника.

– Фармацевт не пошел на контакт с Шекспиром, – приблизившись, шепнул Казанфар. – Сделал вид, что не знает его.

– Я понял. Гоар, подойдешь, когда Фармацевт выйдет из чайханы.

– Хорошо.

То, что произошло через пару минут, когда из чайханы вышел Фармацевт, удивило всех. Он подошел к торговцу фруктами, где стояла Гоар, и, не обратив никакого внимания на вчерашнюю знакомую, купил пять апельсинов и ушел.

– А еще говорил, что мимо не пройдет, хм, – усмехнулась ему вслед Гоар.

Жора, наблюдавший за происходящим, через минуту произнес:

– Не он.

– В смысле, – не понял Казанфар. – Что значит – не он? Это же Фармацевт.

– Да. Фармацевт. С сегодняшнего дня устанавливаем за ним круглосуточное наблюдение. Я и Айказ идем дежурить к дому, где квартирует Фармацевт.

Весь остаток дня, до сумерек, ребята держали жилище Фармацевта «под присмотром». А с наступлением темноты забрались на крышу соседнего дома, с которого были видны его окна на втором этаже. Благо дома в Иране с плоскими крышами. Многие там даже свадьбы справляют.

Где-то около часа ночи уснул Айказ. В три Жора растолкал его, приказав в пять разбудить себя и провалился в сон. Внутренние часы оказались надежнее Айказа: Жора сам проснулся ровно в пять и второй раз за ночь растолкал товарища. Чтоб вновь не сомкнулись глаза, он попросил Айказа почитать на память что-нибудь из своих любимых стихов. Вначале это показалось Айказу странным. Где он – со своим кожаным мячом и где они – стихи! Но призадумавшись, стал понемногу вспоминать, правда, большей частью детские. Через полчаса, когда Айказ вошел во вкус, в окнах напротив вдруг загорелся свет. Раздвинув занавески и раскрыв створки, Фармацевт в трусах и майке возник как на ладони и занялся зарядкой. В этот момент произошло то, что заставило Айказа забыть слова одного из самых любимых стихотворений. Из-за спины Фармацевта... вышел еще один Фармацевт. Вернее, его двойник и тоже принялся за утреннюю зарядку.

– Ущипни меня. У тебя тоже в глазах двоится или их дей-

ствительно двое? – с интонацией человека, попавшего впросак, растерянно прошептал Айказ.

– Вот, что я имел ввиду, когда сказал вчера, что это не он, но до конца не был уверен. Теперь убедился. Надо предупредить ребят. Айказ, значит, передашь, что работаем по прежней схеме. Только мы с тобой останемся здесь наблюдать за вторым Фармацевтом...

То, что удалось выяснить группе Амира, удивило даже видавшего виды Агаянца. Оказалось, что это были два брата-близнеца. Когда один выходил из дома, уводя за собой группу наблюдения, и бесцельно гулял по городу, ни с кем не общаясь, второй в это время покидал жилище и встречался с нужными людьми. Амиру с товарищами удалось разоблачить обоих Фармацевтов, а также всех их агентов, включая высокопоставленных иранских чиновников и военных. Они были арестованы советскими спецслужбами и со временем перевербованы.

Следующее задание, поступившее от Агаянца, было несколько иным, чем выявление немецких агентов. В этот раз задача заключалась в том, чтобы проследить иранского генерала из генштаба. Он был завербован советской разведкой и за солидные деньги передавал ей секретные документы. Однако большой процент неподтвержденных данных, добываемых им, настораживал. Резонный вопрос – как проследить действия военачальника, который не ходил по Тегера-

ну пешком, не назначал на улице встреч, – оставался открытым. Рано утром его увозили в штаб на автомобиле, вечером на нем же привозили обратно. Наружное наблюдение ничего не давало. Тогда Жора с Шекспиром решили посмотреть, как себя ведет дома генерал. Выпал как раз выходной день. И вот она удача! Генерал в штатском, с портфелем в руках вышел за ворота и направился к мечети. Жора мысленно похвалил себя за то, что взял с собой немецкий фотоаппарат, подаренный Агаянцем. Было время дневного намаза. Генерал вошел в мечеть и, преклонив колени, поставил под боком портфель. Жора с порога нажал на кнопку затвора фотоаппарата, запечатлев генерала и молящегося слева от него мужчину, а также два совершенно одинаковых портфеля, стоящих рядом. Через пару минут мужчина ушел, прихватив с собой чужой портфель. Этот момент также сопровождался характерным щелчком. Шекспир вышел вслед за незнакомым мужчиной, а Жора остался следить за «своим» военачальником.

Уже близился вечер, когда к дому генерала подкатил на велосипеде Шекспир. Жора возник перед ним как из-под земли и увел в подъезд соседней четырехэтажки.

– Как дела? – спросил он друга.

– Отлично, – расплылся в улыбке Шекспир. – Я проследил подельника нашего генерала до самого его дома. На мою удачу, он был не на машине, а поймал извозчика. Я не только успевал на своем велике за ним, но еще и притормаживал.

вал, чтоб не засветиться, – прихвастнул Шекспир. – Короче говоря, это – довольно известный в Тегеране дантист агаи-Кодси. Представляешь?

– Надо к нему записаться на прием, – моментально сообщил Жора, пристально посмотрев на Шекспира. – Как у тебя с зубами, не болят?

– Не, не болят. А ты что, на полном серьезе?.. Знаешь у кого... у Казанфара дырка в зубе намечается. Я вспомнил, он как-то жаловался.

– Он и пойдет лечить зуб. Это такое дело, если запустить, можно и лишиться его, – рассмеялся Жора и тут же поправился, – нет, я серьезно.

– Да, с зубами шутки плохи. А как у тебя тут?

– Как стемнеет, хочу зайти в гости к генералу. Я присмотрелся, если с платана перед домом запрыгнуть на балкон на втором этаже, дверь в комнату с него открыта, можно попасть прямо в генеральский кабинет. Он там часа два работал, что-то на машинке печатал. Интересно взглянуть что?

– Ты же понимаешь, если...

– «Если» – я исключаю. Иначе мы так и будем ходить вокруг да около.

– Ну-у... да.

В десятом часу свет в окнах генеральского дома погас. Подождав еще с полчаса, Жора сказал: «Пора».

Казанфар не успел толком осмотреться по сторонам, выйдя из подъезда, как Жора тенью промелькнул к платану, лег-

ко вскарабкался вверх по стволу и мягко перемахнул через перила на балкон. В этот момент в кабинете неожиданно зажегся свет. Жора прижался спиной к стене и замер. Ему казалось, что колотящееся в груди сердце может выдать его. Хозяин дома, облаченный в шелковый халат, постоял немного в комнате, прислушиваясь к чему-то, потом подошел к широкому дубовому столу, бегло просмотрел какие-то бумаги, положил их в кожаную папку, подумал и закрыл балконную дверь. Свет в кабинете погас. Жора на время забывший о дыхании, медленно набрал в легкие воздух и беззвучно выдохнул. Побыв еще для верности минут пять без движения, Жора отделился от стены и осторожно толкнул балконную дверь. Та не поддавалась, оказавшись запертой. Струйка пота покатила по холодной Жориной спине. Он вытащил из кармана перочинный нож, просунул лезвие между дверных створок, пытаясь попасть острием на скошенный язычок замка. «Это поможет, – подумал он, – если дверь закрыта лишь на защелку, если же на ключ...». – На этом месте Жора нажал на рукоять ножа, и... вместе с глухим щелчком язычок ушел внутрь механизма, и дверь подалась вперед. Тыльной стороной ладони он отер лоб и вошел в генеральский кабинет. Привыкнув к темноте, безошибочно разгадал в большом черном пятне на столе – кожаную папку. Раскрыл, вытащил из нее листы бумаги, в том числе с грифом «Секретно», и, подсвечивая портативным фонариком, стал фотографировать их. Работал он быстро и аккуратно, забыв о страхе.

Зато на улице, вжавшись в темень дома напротив, переживал за друга Казанфар. И не зря. Когда, сделав дело, Жора вышел на балкон и мягко закрыл дверь на защелку, на тротуаре показались двое жандармов с фонариками. Казанфар шагнул в подъезд и там притих. С девяти вечера в Тегеране действовал комендантский час. И если попасться патрулю без разрешительных документов, то добра не жди. Соответствующих документов у ребят не было. Жора, к счастью, увидел жандармов раньше, чем они могли заметить его, и лег на пол, вдыхая балконную пыль. От нее засвербело в носу, и он, не удержавшись, чихнул, придержав, как мог, звук. Жандармы остановились.

– Ты ничего сейчас не слышал? – спросил один другого.

– Вроде кто-то кашлянул... или... чихнул? А может, показалось?

Жора вжался в пол, когда по его балкону скользнул луч фонарика.

– Показалось, да. Пойдем в участок. Вся ночь еще впереди. Чаю попьем.

Когда жандармы ушли, Жора с перил ловко спрыгнул на платан и соскочил вниз.

– Я тут, – негромко подозвал его из подъезда Казанфар.

Вскоре оба запрыгнули в седла велосипедов и налегли на педали. Судя по тому, как ребята резво рванули по брусчатке, они и впрямь были похожи на летучих кавалеристов. Как прозвал их Агаянц – «Легкую кавалерию».

На следующее утро Коля привез Ивану Ивановичу полученную от Амира фотопленку. Когда ее проявили и напечатали снимки, Агаянц не просто удивился, но ахнул с досады. Иранский генерал оказался шпионом, работавшим под диктовку нацистов. Часть документов, отснятых Амиром, были на немецком языке и содержали дезинформацию, которую генерал по вечерам перепечатывал дома на машинке на чистые бланки с грифом «Секретно» и за большие деньги продавал русским. Когда высокопоставленный иранец был изобличен, ему предложили выбрать – либо он искренне раскаивается в содеянном и начинает верой и правдой работать на советскую разведку, либо его ликвидируют как нацистского агента. При этом и предупредившие, и предупрежденный не сомневались, что все именно так и будет.

Добротный особняк из белого кирпича одного из лучших в Тегеране стоматологов агаи-Кодси, находился в 11-м округе, можно сказать, в центре иранской столицы. Казанфар приехал сюда, предварительно записавшись на прием, вместе с Шекспиром. Вернее, Шекспир привез к стоматологу «страдающего от зубной боли брата». Он так и заявил зарегистрировавшей посещение медсестре. Казанфар едва взглянул на нее, как тут же узнал в ней дамочку за рулем «Опель Капитана», которая увезла из Большого базара убившего Мурата мужчину в черном костюме. Несмотря на то что он не видел лица девушки, все равно узнал ее по осан-

ке. Прямая, как у пианистки, спина, высокая грудь, узкая талия – все в ней было за гранью привычного понимания женской красоты. Она казалась необыкновенной. К тому же – голубоглазая блондинка. При этом Казанфар осознавал, что она – враг. Находясь в полном душевном смятении и не умея скрыть этого, он с завистью наблюдал за тем, как непринужденно вел себя Шекспир, беседуя с ней. Вот уж артист так артист.

– Мой брат боится стоматологов, и я его сопровождаю, – спокойно, с еле уловимой ухмылкой на губах произнес он. Конечно, зуб-то сверлить не ему будут! Чего волноваться?

Когда в кабинет вошел мужчина, Казанфар приготовился увидеть зловещего человека в черном костюме. Шекспир был уверен, что признает в нем агента, оставившего генералу в мечети портфель с немецкой дезинформацией. Ведь тот на извозчике приехал сюда, в дом.

Увы, в открывшуюся дверь почти вбежал среднего роста, лысеющий, с брюшком, смуглый мужчина с волосатыми руками.

– Доктор Кодси, – представился он, обнажив в улыбке свои крепкие белые зубы.

«Не он», – мысленно констатировал Казанфар. «Не он», – едва не произнес вслух Шекспир и подумал: «Что-то ничего не вяжется. Похоже, дом Кодси с секретом. И над этим придется поломать голову».

Впрямь, не одна тайная тропка тянулась сюда, к особняку

стоматолога, и подозрения у Шекспира с Казанфаром возникли не на пустом месте. Единственной ниточкой, за которую стоило потянуть, чтобы начать разматывать клубок, была, если не считать самого Кодси, его умопомрачительная медсестра. Ассистентка. Возможно, очень даже важная зацепка, которую упускать нельзя. «Как-то надо сблизиться с ней, подружиться, – начал строить планы Казанфар. – Может, удастся завербовать ее». Он понимал, что девушку необходимо чем-то заинтересовать, привлечь. Но чем? Как? Такая вряд ли польстится на полноватого Казанфара, скорее предпочтет красавчика Шекспира. А может случиться, что и на обоих не посмотрит. Она будет делать то, что ей прикажет началь... глава... главарь нацистской резидентуры... Майер? Она везла его в машине!.. Палача и убийцу?! И она с ним заодно?! Но почему, Боже?! Ее заставили?!

Вопросы роились в голове Казанфара, словно назойливые мухи, даже, кажется, было слышно, как они жужжат. Но тут ассистентка подошла к нему, взяла за локоть и отвела к креслу.

– Присаживайтесь, – сказала она на фарси. Когда Казанфар ни жив ни мертв уселся, наклонилась к нему и мило улыбнулась: – Не волнуйтесь, доктор Кодси лучший в Иране стоматолог.

Знала бы, какую бурю в душе бедолаги замутили напасти, не улыбалась бы. Казанфар медленно поднял на нее глаза и взглянул так, что девушка вдруг закашлялась, и щеки ее по-

розовели.

– Кгм... кхм. Так, ну что, приступим, – подал голос доктор Кодси, который умел придать неуправляемым процессам определенную направленность, чтоб не допустить кипения страстей.

Казанфар закрыл глаза, открыл рот и подумал, что пропал. Между тем доктор с помощью шпателя, зонда и зеркала тщательно осмотрел каждый в отдельности зуб, оценивая кариозные проявления, и приступил к опросу:

– Боль в зубах беспокоит? Если да, то в какое время?..

– Нет, зубы не болят.

«Что значит – «не болят»? – Шекспир мысленно чертыхнул Казанфара: – Зачем тогда ты пришел сюда, черт тебя подери!»

– Не болят, – повторил доктор. – Похвально, молодой человек. Если б вы затанули с визитом, то нижний коренной пришлось бы лечить кардинально. А так, надеюсь, обойдемся легким испугом, хм, очистим кариозную полость и запломбируем, не затрагивая нервные окончания. Хм, боитесь лечить зубы?..

– Боюсь, – честно признался пациент.

Ассистентка с любопытством посмотрела на него.

Мужчины думают, что женщины в них влюбляются за какие-то физические и духовные качества – силу, талант, смелость, красоту, наконец. Так думал и Казанфар. И ошибался, как все. За что женщины любят мужчин, они и сами не

знают. Их любовь основывается на иллюзиях. Ассистентке доктора Кодси Юлиане Хегедус, или, как ее называли, мисс Люси, о любви особо думать не приходилось. В прошлом артистка кабаре из Венгрии, она знала только, что «все мужчины одинаковы» и «всем им надо лишь одно». Особенно это относилось к бравым красавцам-офицерам. Видных мужчин Люси вообще старалась не замечать. Потому что все беды от них. Кстати, и завербована она была не кем иным, а немецким агентом, офицером Фридрихом Крафтом, который запал на нее в Стамбуле, обманув девичьи мечты. В течение последних нескольких лет работала курьером у немцев. С приходом в Тегеран советских и британских войск и началом повальных арестов нацистских агентов Люси взял под свое крыло Франц Майер. Особняк Кодси был одним из мест, где он скрывался, а Люси, чтоб не вызывать ни у кого подозрений, устроена была ассистенткой стоматолога. И с обязанностями справлялась весьма успешно.

– Что ж, приступим, – потянулся к зубной дрели доктор. – Откройте рот. Люси, приготовьте тампоны...

Будучи человеком творческим, Шекспир с интересом наблюдал разыгравшийся перед глазами живой спектакль, чувствуя внутренний накал, безмолвный драматизм. Единственно, о чем жалел, что не может по ситуации записать происходящее на бумагу. Хотя и так все шло как по написанному. Разве что концовка у этой мелодрамы не могла быть счастливой по определению.

Когда дантист закончил дело, друзья, расплатившись, направились к выходу. Казанфар в стоматологическом кресле вел себя достойно и теперь, схватив ручку двери, повернулся к медсестре, которая вышла проводить их, и сказал:

– Я был бы очень рад встретиться с вами еще. Это возможно?

– По субботам, с утра, я езжу на Большой базар за фруктами...

– Правда? – не дал ей договорить Казанфар. – Во сколько?

– Обычно в девятом часу, – улыбнулась она.

Это уже было предсказуемо, и Шекспир едва не зевнул, прощаясь с мисс Люси.

На горной поляне, где обычно пахло жареными каштанами, когда собиралась вместе «Легкая кавалерия», не горел костерок и не стелился белый дымок. Когда Шекспир с Казанфаром подъехали сюда, их встретили Жора, Оганес и Ашот. Ребята поздоровались за руку, присели на служивший лавочкой сухой ствол упавшего каштана.

– Ну, рассказывайте, что у вас? – спросил Жора.

Казанфар посмотрел на Шекспира. По части доклада о проделанной работе равных ему не было. Артист, поэт и драматург, он умел об обычном сказать так, что заслушаешься.

На этот раз Шекспир говорил сухо, по делу, но, как всегда, интересно.

– ...завтра, в субботу, Казанфар и мисс Люси встречаются

ся на базаре, в районе девяти часов. – Закончил рассказ о визите к стоматологу Шекспир и добавил: – Думаю, если с ней провести умелую работу, то она может быть очень даже полезной нам. Я уверен, что она работает на Майера и может нас вывести на известных ей агентов как из числа немцев, так и иранцев. В случае если даст согласие на сотрудничество, можно устроить ей небольшую проверку. Пусть назовет имя подельника нашего генерала и скажет, где тот скрывается. Думаю, генерал уже рассказал Коле обо всем, пытаюсь засвидетельствовать свою лояльность нам. Так вот и проверим на искренность мисс Люси.

Жора молча слушал, Казанфар же хотел возразить, так как ему не понравилось, с каким недоверием к Люси говорил Шекспир. Но, подумав, он не стал перечить.

– Если никто не против, я согласен, – сказал Жора. – Погоди, погоди... Мурат был убит в субботу утром. Получается, мисс Люси, которая приезжала покупать фрукты по субботам, в этот раз привезла с собой Майера. Тот зашел...

– В лавку Хабира, – не сдержался Казанфар.

– Да. Туда же пошел Мурат. – Продолжал Жора. – Где находилась в это время... как вы ее...

– Мисс Люси, – подсказал Шекспир.

– В лавке Хабира ее не было. Помнишь? – обратился к Жоре Казанфар. – Мужчина в черном костюме, Майер, когда вышел из лавки и направился к «Опель Капитану», Люси сидела за рулем. Я думаю, она купила фруктов, а потом

ждала его в машине. Вряд ли имеет отношение к убийству Мурата. Не удивлюсь, если она об этом и вовсе не знала.

– Казанфар, не забывай, что твоя мисс Люси работает на главаря немецкой резидентуры, палача Майера, будучи сама немецким агентом, – вмешался Шекспир. – Ты не спеши с выводами.

– Я не спешу. И не выгораживаю вовсе. И не надо называть ее моей...

– Не обижайся, Казанфар. Шекспир прав, – подал голос все это время молчавший Оганес. – Выводы сделать всегда успеем. Надо все как следует проверить. Я также думаю, что необходимо присмотреться к хозяину фруктовой лавки Хабирю. Довольно темная «лошадка».

– А что скажешь ты, Ашот? – обратил внимание на понуро сидящего товарища Жора.

– Я согласен, – глухо отозвался он.

– Ашот, что случилось? Ты что-то не такой.

– Все нормально.

– Я же вижу, – подошел ближе Жора. Ребята обступили их.

– Мой брат... старший... он на войне. – Поднял голову Ашот. – Воюет с гитлеровцами. Я об этом не говорил, но вы же знали, правда?..

– Правда, – ответил за всех Жора. – Знаем.

– За три месяца ни одного письма от него. Не пишет. Мать молчит, плачет по ночам. Я тоже уйду... на фронт...

– Понятно. На фронт, значит, собрался. Молодец! А ты не помнишь, что нам сказал Иван?.. Здесь тоже фронт. Ну, как это объяснить попонятней – невидимый фронт. И мы здесь нужней. Работа, которую мы проводим, действительно очень важна. Чем больше нацистских агентов, диверсантов мы выявим, тем быстрее приблизим победу над Гитлером.

– Ты знаешь, что немцы под Москвой? Думаешь, хватит сил, чтобы выбить их.

– Хватит, Ашот. Даже не сомневайся. И брат твой обязательно напишет письмо. Верь и жди. Обязательно. Ты понял?..

– Я-то понял. И верю, да! – Ашот задумался и произнес твердо: – Мой отец был командиром Красной армии. Говорил, что нас никто не победит. В начале 38-го его арестовали, будто бы за связь... с троцкистами, что ли. Когда за ним пришли ночью, он успел шепнуть матери: «Запомни, я ни в чем не виноват» и «Увези ребят к тетушке. Скоро будет большая война». Мать сделала, как сказал отец, привезла нас к бабушке Мариам – тете отца, в Тегеран. Она еще до революции вышла замуж сюда, за иранца. Где сейчас отец, не знаю. Жив ли?

– Если невиновен, наверняка его проверили и отпустили уже давно. Небось воюет с немцами, как герой. – Положил другу руку на плечо Оганес.

– Ты же сам знаешь, и отец твой, и брат настоящие мужчины и смелые воины. А смелых, как в песне поется: «пуля

боится и штык не берет». Нет, Ашот, вас так просто не возьмешь. Ты тоже из этой породы людей! – произнес Шекспир.

– Они живы, я уверен. И ты нам еще считаешь их письма. Не переживай, братишка, и мать успокой. Хочешь, я и ей скажу. – Казанфар это тихо произнес, но услышали все.

Ашот почти физически почувствовал, как тепло дружеских сердец передалось ему, и улыбнулся.

– Конечно, я верю, ребята. Не знаю, чего это я размяк, расслабился, как мальчишка.

– А мы и есть мальчишки, – тут же подхватил Шекспир и через секунду красиво добавил: – Мальчишки... которые защищают Родину!

Казанфар едва не разразился аплодисментами от полноты чувств. Но Жора вернул обоих «с небес на землю»:

– По правде, положение очень серьезное. И расслабляться нам действительно нельзя. – Потом, помолчав, добавил: – Хотел вот еще что сказать, вернее, напомнить, завтра сорок дней со дня смерти Мурата. Пойдем на кладбище.

– Как быстро летит время, – произнес Оганес.

Ребята молчали, опустив глаза. Было видно, что каждый по-своему вспомнил Мурата. Жоре тоже вспомнилось, как здесь он говорил ребятам по поводу предстоящих похорон: *«Я только что был в полицейском участке. Ходил по поводу Мурата. Похороны завтра, на армянском кладбище. Мне удалось договориться, правда, не сразу, чтобы Мурата похоронили рядом с его родителями. Помог бывший «знако-*

мый», сержант Бейбутов, которого там встретил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.